

В ТЕ ДАЛЕКИЕ ГОДЫ...

Из воспоминаний

Когда я впервые в 1924 году приехал в Свердловск, город произвел на меня странное впечатление. На стенах театра висели афиши, которые с необычайным аппетитом поедали козы.

— Боже, куда я попал?

Этот вопрос задавали себе и Вильзак, и Иоргин, и Альтшулер, и Палицын, и Боков, и Мухтарова, и Донец, Аграновский, Кипоренко-Даманский, Синицкий.

Знаменитый Альтшулер успокаивал: «Не беспокойтесь, давайте repetировать, и вы увидите зрительный зал вечером!» И это было диво-дивное! Мужчины в на-крахмаленных сорочках, в сюртуках, со знаками образовательного ценза и элегантно одетые дамы. Мы испытывали то чувство, которое знакомо всем, кто сдавал экзамены и зачеты.

Степенность зрительного зала вынуждала к быстрому знакомству: да или нет! Бывали такие случаи, когда очень известные артист или артистка, почувствовав холодок и не умея от него избавиться, нарушили контракт и уезжали. В то время в оперных театрах, за исключением бывших императорских, не было твердой финансовой базы.

У меня сохранилось несколько номеров театрального журнала «Эхо». Подумайте: в то время в Свердловском оперном театре издавался свой журнал!

Представьте себе — спектакль «Лоэнгрин»: Эльза — Баратова, Ортруда — Сливинская, Тельрамунд — Книжников, Король — Шидловский, Лоэнгрин — Аграновский и Козловский. Дирижер — Бердяев. Режиссеры — Долуханов и Альтшулер. Это было в сезон 1924—1925 годов. Потом эти имена звучали на сцене Большого театра, а некоторые — и в Европе.

Местный рецензент (фамилию его не помню), перепробовавший много специальностей, даже писавший стихи под псевдонимом, пишет в газете статью: «Лоэнгрин» — мол, опера тяжелая, артисты пели, мол, так себе, а Аграновский — Лоэнгрин — такой-сякой. Он маленького роста и сложен непропорционально... На следующий день уже в театральном журнале (можно было подумать) был возглас Аграновского, что во всем, мол, рецензент прав, только в том, в чем он меня обвиняет, я не виноват, эти обвинения следует адресовать маме.

Я еще не пел в «Лоэнгрине», а он уже написал в газете, что опера без подготовки непонятна, певцы — так себе, да и Козловский будет не лучше. Хоть я его, мол, не видел и не слышал, но могу с уверенностью сказать, что будет скверно.

Тогда легко можно было нарушить контракт и уехать в середине сезона. Равнодушие или озлобленность рецензентов порождало такие явления, и знаменитый артист Григорий Пирогов, выступавший с красной строки, в середине сезона порвал договор и уехал!

В моем договоре, как и у всех, кстати, было указано, какие оперы идут для такого-то артиста. «Лоэнгрин» ставился для меня, и я должен был петь его первым. Но пел Аграновский. Я молчал, никаких протестов не заявлял. В договоре была обюдная неустойка, и это давало мне право расторгнуть его. Но и тогда, и в другие времена я не протестовал, когда так называемые первые спектакли пели другие исполнители. Верьте: мне было важно, КАК, а не КОГДА.

Вот репертуар театра в то время (разговор о нем чрезвычайно важен, так как он — творческая визитная карточка театра): «Аида», «Тангейзер», «Сказки Гофмана», «Галька», «Фра-Дьяволо», «Чио-Чио-Сан», «Тоска», «Кармен», «Онегин», «Травиата», «Риголетто», «Севильский цирюльник», «Трильби», «Фауст», «Князь Серебряный», «Корневильские колокола», «Хованщина», «Борис Годунов», «Жидовка», «Серп и молот». Шла даже «Сильва» с хором и оркестром оперы, с привлечением некоторых артистов оперетты... Я пел Бони. Нужны были внеплановые средства, и шел такой гала-спектакль. Тогда же появились

и абонементные спектакли, что создало абсолютно крепкую финансовую базу, но это же породило и некоторое творческое торможение, и даже равнодушие.

Самое грустное — называть имена тех, кто в ту пору был очень притягателен и для творческого общения, и для кассы, и для сейчас нет.

Карпова, певшая Кармен и Травиату, умерла в одиночестве в Доме ветеранов сцены в Ленинграде. Там же жил Н. Н. Боголюбов, знаменитый режиссер.

Как не вспомнить добрым словом исклучительного певца, начинавшего свою карьеру до революции в Большом театре, — В. Г. Ухова?

О Фатье Мухтаровой, мне думается, надо писать специальную повесть — ее биографию, ее жизнь и значение в искусстве. Она умерла несколько месяцев тому назад в Баку...

И. И. Палицын, по образованию врач, замечательный оперный дирижер. Его знали многие российские города, но навсегда он нашел успокоение в свердловской земле.

Многие из тех, кто работал тогда рядом со мной, к счастью, здравствуют и поныне. Хотелось бы вспомнить певицу М. Ростовскую-Ковалевскую, которая пела в дни открытия оперного театра. Она живет сейчас в Одессе.

Проживает в Горьком Н. Н. Беляев, который был необычайно хорош в комических ролях, но больше его знают как режиссера. Он и по сей день подробно вспоминает все спектакли Свердловской оперы с теплотой и точностью.

А. А. Зелинская начинала в Свердловской опере, потом пела в Большом театре. Живет она в Москве. У нее чудный голос, та ровная линия звуковедения, которая господствовала в Свердловском театре.

Конечно, я вспоминаю то, что мне долго, близко. Была знаменитая гостьница «Пале-Рояль». Ее удобства скорее вызывали юмор. За театром был пустырь, в отдалении — одноэтажные домики, но в каждом домике — притягательный огонек — разность людей.

Разные были люди. Вспоминается старый Екатеринбург с его трудовой интеллигентией, тихими высоконтеллигентными семьями, которые приобретали абонемент в оперный театр. Они же и организовывали встречи в деловом клубе и в частных домах.

Собирались мы и своей актерской братией. Если в выходной день пельмени были у Донца и Тиссейр, то у Мухтаровой, Книжникова, Боковой, Арканова — в другие дни. На этих вечерах выяснялись разнообразные таланты — кто читал стихи, кто аккомпанировал (к примеру, я).

В городе был кинотеатр. Перед экраном — малый оркестр, слепые музыканты.

Я знаю о существовании выпускной печати для слепых. Видимо, они по этому же принципу разучивали классическую музыку. Какой это труд, какая память! Играли они самозабвенно. Я и сейчас часто вспоминаю о них. У Короленко слепой музыкант через страдания приходит к радости. Мне хочется думать, что у них была ежевечерняя радость. В кинотеатре было холодно, они играли в пальто, но музыка звучала глубоко, человечно. Мы иногда подходили к этим музыкантам, здоровались. Они нас узнавали — видимо, бывали и на оперных спектаклях.

Я по сей день восторгаюсь их трудолюбием: они играли Грига, Моцарта, сонаты Бетховена...

Что греха таить... когда мы впервые ехали на Урал, то думали: скорей бы настал май, чтобы уехать из малопоэтического города — краем лес, в центре города — пыль... И все же высокая поэтическая настроенность — непреходящее чувство, и многие артисты сполна испытывали его именно в Свердловске.

И. КОЗЛОВСКИЙ,
народный артист СССР.